

Глава вторая

Вечером, когда подошло время ужина, Чоу Муи внезапно осознал одну неприятную вещь: телу его было всего пять лет. Готовить он умел — в прежней жизни умел, — но то была другая эпоха, с её приправами и разнообразием продуктов. Здесь, в эпоху Сун, рассчитывать на это не приходилось. Несколько дней, что они провели в пути, он жевал один сухой паёк, и во рту уже давно не осталось ни вкуса, ни радости. Есть хотелось по-настоящему. Вот Чоу Муи и прокрался к комнате, которая, судя по всему, служила кухней, — маленькое тельце замерло на пороге, голова осторожно высунулась наружу, глаза захлопали-захлопали.

Котлы, миски, поварёшки — всё на месте. Чоу Муи слегка отлегло от сердца: стало быть, этот нечаянно свалившийся на него учитель всё же умеет готовить. Требования у него были скромные — лишь бы наесться досыта.

Засмотрелся он, однако, слишком увлечённо. Напрочь забыл, что маленькое тельце не способно долго держать такую замысловатую позу, — и в следующий миг плашмя растянулся прямо на пороге кухни.

— Хм. И-эр, — послышался голос, — хочешь есть — так и скажи. Не знал, что у тебя такие очаровательные увлечения.

Чоу Муи вздрогнул, будто его ударили. Попался. Попался. Мысли мигом собрались в кулак: ни в коем случае нельзя позволить учителю смеяться над собой.

Он сосредоточился, придал лицу самое серьёзное выражение, на какое был способен, медленно поднялся и, запрокинув голову, произнёс как можно суше:

— Учитель, я голоден.

Увы: щёки с ещё не растаявшей младенческой пухлостью ни при каком старании не могли выглядеть серьёзно. Голос — мягкий, как пух, — угодил прямо в сердце Цуй Инлуна, и тот, не говоря ни слова, подхватил мальчика на руки — полностью проигнорировав все попытки вырваться.

Этот маленький ученик — просто сокровище, — думал Цуй Инлун, глядя сверху вниз на насуспенную мордашку. Ребёнок, который изо всех сил притворяется взрослым. Несколько дней — одно каменное лицо без единой эмоции, а за ним — такая живость, что и не скроешь. Нет, надо почаще тормошить маленького ученика, пока тот окончательно не превратился в старика при живых годах.

Чоу Муи не подозревал, какая жизнь его ждёт впереди. Его занимало сейчас одно: двадцать с лишним лет прожитого — и вот тебе, сиди на руках, как грудничок. Позор. Он брыкался, молотил руками-ногами в воздухе, но разница в возрасте и сложении была непреодолима, точно Тайшань.

Через несколько минут до него дошло: бесполезно. И тут что-то прорвалось. Обида — старая, тянущаяся из глубины памяти, о том, как его не замечали, не берегли, как он был лишним, — и теперь ещё учитель потешается — всё это разом навалилось, и глаза защипало.

Цуй Инлун опустил взгляд на брыкающегося малыша и только успел почувствовать неладное, как грянул рёв — громкий, безутешный, на весь дом.

Цуй Инлун растерялся. Как это — вот так, с места в карьер? Он смотрел на ревущего ребёнка и с ужасом осознавал: ни одна из прочитанных им книг — а книг было много — не содержала ни единого слова о том, как унять плачущего пятилетку. Пришлось действовать на ощупь.

— Ну-ну, тихо, учитель виноват, не плачь, слышишь, не плачь...

Это был, по всей видимости, неверный подход. Стоило Чоу Муи услышать эти слова, как рыдания удвоились: наконец-то нашёлся кто-то, готовый выслушать, и кому-то было не лень утешать — почему бы не воспользоваться.

Цуй Инлун вздохнул и продолжал неумело баюкать. Постепенно всхлипы стихли, маленькое тело расслабилось, — и Чоу Муи уснул прямо у него на руках.

Цуй Инлун осторожно уложил его в кровать и укрыл, чтобы не продуло. Во сне мальчик наконец отпустил всё, что держал в себе, — всю настороженность, всю броню. Днём он прятался за бесстрастной маской, и неудивительно: память этого тела хранила то, о чём лучше не думать. Он решил начать жить заново — по-настоящему, — но одно воспоминание не давало покоя: как мать разжала руку. В тот миг мир для него потемнел.

Цуй Инлун не знал, что перед ним другая душа. Но хрупкость, едва различимую под этой маской, он видел отчётливо — и сердце сжималось. Сам он не решился бы войти в разгар сражения даже с лучшим оружием в руках. Дождался, когда обе стороны отступят, и только тогда вошёл на поле боя — и нашёл Чоу Муи. Нетрудно было догадаться, что пережил ребёнок.

Слишком тощий, — решил Цуй Инлун, разглядывая спящего. То, что пятилетние дети и должны быть маленькими, как-то само собой выскользнуло из его головы. Мысль дала неожиданный побег: надо приготовить побольше вкусного и откормить маленького ученика. Что до расхожей мудрости о том, что благородному мужу не место у плиты, — Цуй Инлун лишь фыркнул. Он один живёт в горах. Не готовить самому — значит каждый день спускаться вниз за едой. Это уж слишком.

Когда ароматная, богато уставленная стол ужин был готов, Цуй Инлун всё же поднял ученика с постели — пусть поест. Чоу Муи, едва разлепив глаза, выглядел так, словно никакой невозмутимости у него отродясь не бывало: припухшие от слёз глаза краснели, как у кролика, лицо — полусонное, размягчённое — утратило всю свою напускную суровость. Цуй Инлун поглядел на него и решил не дёргать: хорошо уже то, что не плачет.

Чоу Муи увидел тарелки — и тут же пришёл в себя окончательно. Не до сантиментов: он умирал с голоду.

— И-эр, проголодался? — Цуй Инлун усмехнулся. — Садись, ешь, не стесняйся. Ты ещё слишком худой.

Церемониться Чоу Муи не стал. Дождался, когда учитель возьмёт палочки, — и принялся методично и безошибочно опустошать любимые блюда.

— И-эр, — слышался голос с лукавой ноткой, — если через несколько лет, когда начнём заниматься боевыми искусствами, ты будешь действовать с той же точностью и скоростью, что сейчас тянешься к еде, — учитель будет весьма доволен.

Рука Чоу Муи на мгновение замерла в воздухе. Лицо осталось неподвижным — почти. Только едва заметный нервный тик прошёлся по щеке.

Он медленно повернулся, глубоко вдохнул, мысленно повторил про себя: я маленький ребёнок, я маленький ребёнок — раз сто, не меньше, — и произнёс бесстрастно:

— Учитель, это была похвала? И-эр очень рад. И-эр заметил, что учитель вчера в деревне ел очень острое. Поэтому И-эр решил преподнести учителю подарок — в знак признательности.

Он слез со скамейки и направился на кухню.

У Цуй Инлуна мелькнуло нехорошее предчувствие. На лице маленького ученика — всё более невозмутимом с каждым днём — он не разглядел и тени благодарности. Совсем никакой.

Чоу Муи вернулся с маленькой чашкой в руках. Что там было внутри, Цуй Инлун не успел разглядеть — а когда спохватился, содержимое чашки уже перекочевало в его рисовую миску. Он уставился на алое масло, растёкшееся поверх риса, — и зубы у него заныли заранее.

Сам виноват. Это было очевидно. Цуй Инлун горько это признал.

Бросить еду? Нельзя: Чоу Муи смотрел на него снизу вверх — тихо, укоризненно, — и во взгляде читалось всё без слов: Учитель, И-эр так рад, учитель похвалил И-эра, И-эр сделал сюрприз, как же учитель может не есть? И так далее, и тому подобное.

Цуй Инлун криво усмехнулся, принял вид человека, идущего на казнь, и съел. Поставил пустую миску — и немедленно бросился к колодцу.

Чоу Муи остался сидеть, не шелохнувшись. Внутри всё клокотало от смеха — но несколько дней упорной тренировки невозмутимости не прошли даром. Лицо хранило полный покой. Он

неторопливо продолжал есть.

Цуй Инлун вернулся шатающейся походкой. Взгляд его, полный негомого упрека, прилип к маленькому ученику. Напрасный труд: тот как ни в чём не бывало доедал ужин. Постояв ещё немного и не дождавшись никакой реакции, Цуй Инлун махнул рукой и ушёл на кухню заваривать цветки жимолости. Надо было гасить жар. Воспитывать ученика оказалось делом нелёгким.

После ужина разошлись по комнатам. Но Чоу Муи в постель не лёг — прошёл в кабинет, который Цуй Инлун специально переоборудовал для него, добавив немало книг. Снял с полки «Троеслобие», намереваясь разобрать иероглифы. Однако традиционное письмо смотрело со страниц как чужое, не давалось. Он закрыл книгу, остался сидеть в кресле, свесив ноги, — короткие ноги болтались в воздухе, не доставая до подставки.

Три дня он провёл в этом мире, намеренно не думая о будущем. Но ночью тишина настаивала на своём.

По истории, Ян Сылан попал в плен после сражения у Золотых Песков. Значит, сначала он должен был вернуться к семье. Но Чоу Муи, занявший это место, — не хотел. Не знал, как смотреть в лица этих людей. Тайна, однажды пустившая корни, разрастается, как сорная трава, — и от неё не избавиться. Если учитель узнает — отправит обратно к семье Ян? Откажется от него?

За эти дни рядом с Цуй Инлуном что-то оттаяло в нём — что-то, никогда прежде не знавшее тепла. Впервые кто-то заботился о нём, думал о нём. Пусть это общение и не обходилось без неловких происшествий — за внешностью учителя скрывалась настоящая мягкость. Чоу Муи цеплялся за это тепло. Что бы ни случилось потом — пусть учитель захочет вернуть его в семью — он не уйдёт. Не уступит. Это было единственное, что он мог удержать.

Лучше самому опередить события, чем ждать, пока откроется правда. Если придётся — пусть расколется даже эта маска. Главное — остаться. Только с выбором момента нужно не промахнуться.

И вдруг глаза у него вспыхнули.

Ведь я же буду учиться боевым искусствам. Технику копья семьи Ян он знал — наблюдал, как Ян Е обучает Далана, и запомнил каждое движение. Сейчас, конечно, мал, не потянет. Но через несколько лет, когда дойдёт до постановки приёмов, — можно будет применить. Учитель много видел на своём веку. Искусство копья семьи Ян он узнает. Значит, нужно только не допустить, чтобы учитель тихо передал весть в дом Янов. И всё.

Чоу Муи довольно усмехнулся — про себя, разумеется. Отложил книгу, вернулся в спальню, забрался в постель.

Спать.

<http://bllate.org/book/17388/1692461>